

И.Г. Дубровская

Морозка

Морозка, Морозов Иван — персонаж романа А.А. Фадеева «Разгром», 27 лет, ординарец командира партизанского отряда Левинсона, шахтер во втором поколении: «дед еще пахал землю, отец променял чернозем на уголь». Морозка родился в темном бараке у шахты № 2, когда сиплый гудок звал на утреннюю смену. Отец, узнав, что у него четвертый сын, «напялил измазанный углем брезентовый пиджак и ушел на работу».

В двенадцать лет Морозка научился вставать по гудку, пить водку, сквернословить. По жизни он шел старыми выверенными тропами: купил сатиновую рубашу, хромовые сапоги, играл на гармошке. Морозка стал ходить по праздникам в село, на обратном пути вместе со всеми «шахтерскими» крал на баштанах арбузы, огурцы, купался в речушке.

Во время стачки на шахте Морозку посадили в полицейский участок «за болтливость», надеясь «пристращать и выведать о зачинщиках». Морозка рассказал спиртоносам в камере несметное количество похабных анекдотов, но никого не выдал.

На фронте Морозка попал в кавалерию, шесть раз был ранен, два раза контужен, «уволился по чистой еще до революции». Он вернулся домой, пропьянствовал еще две недели, женился на гулящей, доброй и бесплодной Варе, откатчице шахты № 1. В восемнадцатом году, забрав с собой жену, Морозка ушел защищать советы. Советы отстоять не удалось, путь на рудник ему был закрыт. В партизанском отряде Морозка попадает сначала в шахтерский взвод Дубова.

Служебные обязанности ординарца Морозка выполнял с неохотой: надоели скучные казенные разъезды, никому не нужные пакеты, а более всего — нездешние пронизательные глаза Левинсона. После отказа Морозки отвести пакет, командир предлагает ему сдать оружие начхозу и убираться на все четыре стороны, так как в отряде «баламутов не надо».

Морозка угрюмо берет письмо и не столько Левинсону, сколько себе поясняет: «Уйти из отряда мне никак невозможно, а винтовку сдать тем паче ... Потому не из-за твоих расчудесных глаз, дружище мой Левинсон, кашницу мы заварили!.. По-простому тебе скажу, по-шахтерски!..».

Уезжая с пакетом, Морозка сообщает подрывнику Гончаренко, что командир промяться велел. «А то, говорит, ты тут еще детей нарожаешь». Морозка слышит вслед: «Дурак ... Трепло сучанское».

Конь Морозки Мишка — крепкий, мохнатый, рысистый — очень похож на хозяина («такие же ясные, зелено-карие глаза, так же приземист и кривоног, так же простоватохитер и блудлив»). Партизаны любовались посадкой Морозки: «приподнявшись на стременах, отклонившись к передней луке выпрямленным корпусом, он плавно шел на рысях, чуть-чуть вздрагивая на ходу, как пламя свечи».

Проезжая мимо заброшенных баштанов сельского председателя Хомя Рябца, Морозка воровато огляделся, отвязал мешок, соскочил с лошади и, пригибаясь к земле, пополз по грядам. Он складывал дыни в мешок, некоторые тут же съедал, разламывая на колене.

Рябец смотрел на Морозку невыносимо строгим и скорбным взглядом; ему трудно было представить, что человек, которого он в течение месяца кормил, одевал, как сына, обкрадывал его баштаны. Морозка опустил мешок, трусливо вбирая голову в плечи, побежал к лошади. Он хотел вытряхнуть дыни, захватить мешок, чтобы не осталось никаких улик, но поняв, что теперь уже все равно, помчался по дороге «пыльным, сумасшедшим карьером».

Узнав о проступке Морозки, Левинсон распорядился к вечеру собрать сельский сход вместе с отрядом. В комнате было жарко, зелено от дыма. Партизаны и мужики забили проход. Морозка протиснулся в дверь — сумрачный и злой.

В мужичьих голосах, осуждающих Морозку, не чувствовалось злобы: зачем шkodить было, так дадим («свиной кормим, не жаль дерьма для хорошего человека»). Левинсон «немигающим взглядом выдернул Морозку из толпы, как гвоздь». Морозка пробрался к столу, низко склонил голову, руки дрожали, он ни на кого не смотрел. Самым страшным был для него укор Дубова: «Блудишь? Позоришь угольное племя?». Дубов предлагал выгнать Морозку из отряда.

Морозка бледный, как полотно, не отрываясь смотрел ему в глаза, и «сердце падало в нем, как подбитое». Дело решилось после заступничества Гончаренко. «Ну как нам выгнать его, дурака?.. Мы с ним весь Уссурийский фронт прошли, на передовых. Свой парень, не выдаст, не продаст...».

Сам Морозка объясняет кражу дынь очень просто: «сызмальства это у нас». Он опять вспомнил слова Дубова, глаза его «брызнули светом, темным и влажным». «Я кровь отдам по жилке за каждого ... слово дать могу ... шахтерское ... уж это верно будет — мारаться не стану».

Морозка уверен, что ему не везет, называет свою жизнь «жистянкой». Эти мучительные мысли приобрели особую яркость и остроту после ссоры с Мечиком. Морозка чувствовал себя обманутым в своем прошлом: от самых пеленок видел он только кровь и пот, гульбу и работу, каторжный труд.

С «грустной, усталой, почти старческой» злобой он думал, что ни одной минуты жизни уже нельзя вернуть, чтобы прожить по-иному. Морозке казалось, что кто-то упорно мешал попасть на казавшуюся ему прямой, ясной, правильной дорогу. По этой дороге шли Левинсон, Бакланов, Дубов. Морозка даже никогда подумать не мог, что «враг сидит в нем самом», поэтому считал, что он страдает «из-за подлости людей», таких, как Мечик «в первую голову».

Тревожное состояние Морозки усугубляется мыслями о жене Варе и Мечике. Услышав грязные намеки бойкого кудрявого парня, Морозка с силой ударил его ногой. Сильный Гончаренко, опасаясь за судьбу Морозки, сумел предотвратить скандал, разняв дерущихся. Гончаренко опасался, что о скандале узнает Левинсон. Впервые Морозка с интересом и любопытством смотрит на подрывника, который сочувствует ему.

Сам не замечая того, Морозка теперь старается быть около него. Гончаренко был «свой в доску», он «мог понимать», «сознавал». Скоро дружба Морозки с Гончаренко стала очень тесной. Общась с Гончаренко, Морозка начинал думать, что он тоже «исправный партизан». Думая так, он невольно приобщался к «осмысленной здоровой жизни, какой, казалось, всегда живет Гончаренко». В этой жизни не было места ненужным и праздным мыслям. Теперь лошадь у Морозки всегда в порядке, сбруя крепко зачищена, винтовка начищена и блестит. В бою он первый и надежнейший, товарищи любят и уважают его за это.

Убит конь Морозки Мишка. Морозка не шевелясь сидит около, безнадежно обхватив руками колени, прижатые к груди, смотрит на коня блестящими, сухими, невидящими глазами.

Вечером он справляет «поминки по коню». Выставив вперед и растягивая гармонь «от всей души», точно «похабничал и тут же каялся», он идет посреди улицы с «циничным развальцем». Чуб у него растрепался, свисал на глаза и прилипал к красному потному лицу. За Морозкой шла орава местных пьяных парней без поясов и шапок. Они шли по улице, спотыкаясь, распуская собак, проклиная «до самых небес, нависших над ними беззвездным темнеющим куполом, себя, своих родных, близких, эту неверную, трудную землю».

Ночью Варя чуть не наступила на Морозку, он лежал на животе, головой к плетню, подложив под голову руки, чуть слышно стонал. Лицо у него было измученным, бледным, опухшим. Когда Варя хотела постучать в избу, где стоял Гончаренко, Морозка протрезвел от испуга, болезненно сморщился и схватился за голову: «...Ведь он меня за человека, а я... Ну, как же? ... Не-ет, разве можно ...».

Обида на Варю куда-то ушла, Морозка хотел поцеловать жену, но постыдился. За всю совместную жизнь он целовал ее только в день свадьбы, когда был пьян и соседи кричали «горько». На сеновале Морозка засыпает, прикорнув у ее плеча, а она не смогла заснуть. «Снова по старой тропинке одну и ту же ляжку...».

Утром Морозка с омерзением и страхом вспоминает свое вчерашнее недостойное поведение. Это он, Морозка, пьяный ходил по улицам и орал на все село похабные песни. С ним запанибрата был Мечик, его враг, которому он клялся в любви и просил прощения. Что скажет Левинсон? Разве можно показаться на глаза Гончаренко после такого дебоша?

Морозке дали нового коня, отбитого у белых. Это был гнедой высокий тонконогий жеребец с короткой подстриженной гривой и тонкой шеей, отчего он имел очень неверный предательский вид. Коня окрестили Иудой.

Все уже седлали коней и выводили их за ворота, а у Морозки все было неисправно. Седло без подпруги, винтовка осталась в избе у Гончаренко. Запасную подпругу дает ему Дубов, изо всех сил вытянув Морозку ею по спине. Тот не огрызнулся, не почувствовал обиды и боли, считая, что он это заслужил. Мир стал для Морозки еще мрачней. Выстрелы, что трещали во тьме, эта тьма, эта судьба, что поджидала его за околицей, казались ему справедливой карой за все, что он совершил в жизни.

Загудели бомбометы, грохнули оружейные залпы, один за другим рвались снаряды. Шахтерский взвод Дубова мужественно бился, давая возможность отряду отступить. Мечика Бакланов посылает в дозор, за ним отправляют Морозку. Первый дозорный задремал в седле, не заметил казаков.

Морозка, зная, что впереди есть дозорный, плохо следил за тем, что творилось вокруг него. Он находился в состоянии крайней усталости, осталось одно желание отдыха, отдыха во что бы то ни стало. Он не думал больше о своей жизни, о Варе, о Гончаренко, не жалел о смерти Дубова, хотя тот был одним из самых близких ему людей. Он мечтал только о той обетованной земле, где можно будет приклонить голову.

Эта обетованная земля представлялась Морозке в виде большой залитой солнцем мирной деревни, полной жующих коров и хороших людей, пахнущих скотом и сеном. Он заранее предвкушал, как он привяжет лошадь, напьется молока с куском пахучего ржаного хлеба, потом заберется на сеновал и крепко заснет под теплой шинелью. Внезапно перед Морозкой выросли желтые околыши казачьих фуражек, Иуда попятился назад, всадив его в кусты калины, кроваво затрепетавшие перед глазами. Радостное видение большой залитой солнцем деревни в сознании Морозки слилось с мгновенным ощущением неслыханного гнусного предательства, только что совершенного здесь. «Сбежал, гад...» – сказал Морозка, вдруг с необычайной ясностью представив себе противные чистые глаза Мечика и испытывая чувство щемящей тоскливой жалости к себе и людям, которые ехали позади него.

Морозке жаль было не того, что он умрет сейчас, а того, что никогда не увидит ему залитой солнцем деревни и этих близких, дорогих, доверившихся ему людей, что ехали позади него. Он «так ярко чувствовал их в себе, этих уставших, ничего не подозревавших» людей, что в нем не зародилось мысли о какой-то возможности для себя, кроме возможности еще предупредить их об опасности. Он выхватил револьвер, высоко поднял его над головой, чтоб было слышнее, выстрелил три раза, как было условлено. В то же мгновение что-то звучно сверкнуло, ахнуло.

Мир точно раскололся надвое, Морозка вместе с конем упал в кусты, запрокинув голову...